

УДК 343.232

В статье рассматриваются различные подходы к определению критериев категоризации преступлений. Анализируются теоретические и практические проблемы трактовки характера и степени общественной опасности преступления. Авторы высказывают собственное мнение по указанным вопросам.

Ключевые слова: категоризация; категории преступлений; критерии; основание; характер и степень общественной опасности; форма вины; наказание; санкция.

In the article are exposed different scientific approaches to definition of crime categorization criteria. Theoretical and practical problems of interpreting character of crime and its social menace are analyzed. The authors display their own opinions on these issues.

Key words: categorization; categories of crimes; criteria; base; character and degree of public menace; form of fault; punishment; sanction.

А. В. Иванчин

E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

Л. О. Павлова

E-mail: ljudmila-pavlova11@rambler.ru

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

К вопросу о критериях категоризации преступлений по Уголовному кодексу РФ

Научная статья

A. V. Ivanchin

L. O. Pavlova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Notes on the Criteria of Crimes Categorization as to the Criminal Code of the Russian Federation

Scientific article

Российская модель категоризации преступлений впервые получила свое законодательное закрепление в XIX веке. Первоначально законодатель предлагал использовать в качестве критерия разграничения преступлений по их тяжести общественную опасность. Позднее категоризация совершенствовалась параллельно с развитием права. Индикатором относимости преступлений к той или иной категории преступлений чаще всего выступало наказание. При этом отдельной нормы, посвященной категориям преступлений, законодатель не предусматривал. Ситуация кардинально

изменилась с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 г. (далее – УК), в ст. 15 которого впервые были определены категории преступлений.

Как известно, «одно из главных условий любой классификации – это выбор правильного критерия (основания)» [1, с. 17]. При этом критерий и основание категоризации резонно рассматривать как синонимичные понятия, поскольку любая классификация осуществляется в зависимости от определенных критериев. В логике под основанием деления понимают признак, по которому оно осуществляется [2, с. 36].

© Иванчин А. В., 2017

© Павлова Л. О., 2017

Часть первая ст. 15 УК закрепляет положение, согласно которому все деяния, предусмотренные УК, подразделяются на категории в зависимости от *характера и степени общественной опасности*. На первый взгляд кажется, что все предельно ясно и никакой почвы для размышлений быть не может. Однако сложность заключается в том, что ни в теории, ни в законе не выработано единого понимания характера и степени общественной опасности преступления.

Одни ученые под характером общественной опасности понимают объект посягательства, последствия, форму вины, способы совершения преступления [3, с. 43], другие – последствия, вред, способы совершения, форму вины, мотивы и цели, а также «содержание субъекта» [4, с. 70]. Что касается степени, то некоторые ученые говорят об ее обусловленности размером вреда, временем, способом совершения преступления, ролью подсудимого [5, с. 70], иные же определяют её степенью опасности ущерба, степенью вины, способами совершения с разными степенями насилия [6, с. 18].

Оставляя в стороне приведенный разброс мнений, следует согласиться с тем, что необходимо разграничивать типовую и конкретную (индивидуальную) степени общественной опасности [7, с. 107]. Типовая степень зависит от обстоятельств, *указанных в законе и дифференцирующих ответственность*, в то время как на конкретную влияют обстоятельства, не закрепленные в тексте уголовного закона, а присущие конкретно совершенному преступлению, т. е. *имеющиеся в реальной действительности*.

Возникает вопрос: как в практике тракуются понятия характера и степени общественной опасности? Пленум Верховного Суда СССР в п. 2 постановления от 29 июня 1979 г. № 3 «О практике применения судами общих начал назначения наказаний» отмечал, что при определении степени общественной опасности преступления следует исходить из совокупности всех обстоятельств, при которых было совершено конкретное преступное деяние (форма вины, мотивы, способ, обстановка и стадия совершения преступления, тяжесть наступивших последствий, степень и характер участия каждого из соучастников в преступлении и др.) [8].

Позднее в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 был закреплён

иной подход [9], который был скорректирован ныне действующим постановлением от 22 декабря 2015 г. № 58 [10]. В последнем отмечается, что степень общественной опасности преступления зависит от тех же конкретных обстоятельств, что указывались и ранее: тяжести наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершённом в соучастии, за исключением размера вреда и наличия обстоятельств, влекущих более строгое наказание, а также от вида умысла либо неосторожности. Стоит отметить, что действующее постановление, в отличие от утратившего силу, указало на учет обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, при определении степени общественной опасности преступления.

Вместе с тем постановление Пленума Верховного Суда РСФСР 1979 г. № 3 не давало толкования характера общественной опасности преступления, в то время как в постановлениях 2009 и 2015 гг. этот критерий был раскрыт. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 20 характер предписано определять объектом посягательства, формой вины и категорией преступления. Согласно действующему постановлению № 58, характер зависит от направленности деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности (т. е. от объекта) и причинённого им вреда.

Исходя из вышеизложенного можно констатировать непоследовательность Пленума Верховного Суда, так как изначально он указывал, что форма вины характеризует степень, затем отнес форму вины к характеру, а через шесть лет возвратился к прежней позиции. Думается все-таки, что наряду с объектом на характер общественной опасности должна влиять и форма вины, которая, как правило, закрепляется в диспозициях статей Особенной части УК. При конструировании составов законодатель учитывает различные формы вины, поскольку они выступают качественным показателем уровня опасности того или иного преступления. Что же касается *фактических обстоятельств содеянного*, мы солидарны с позицией Пленума в том, что они должны учитываться судом в рамках определения степени общественной (индивидуальной, конкретной) опасности совершенного преступления.

Добавим также, что новое постановление закрепило ряд прогрессивных положений по сравнению с предшествующим. В частности,

Пленумом было исключено ошибочное, на наш взгляд, положение о зависимости характера общественной опасности от категории преступления, так как ч. 1 ст. 15 УК прямо указывает на зависимость категории преступления от общественной опасности (характера в частности), а не наоборот. Получался замкнутый круг, что выглядело явно нелогично, и этот недостаток в новом постановлении устранен.

Следует заметить, что в теории имеются различные мнения о круге критериев категоризации преступлений. Более того, сам закон позволяет говорить не только об одном критерии. Существует точка зрения, что критерием категоризации выступает лишь степень общественной опасности [11, с. 12]. Вряд ли это логичный подход, поскольку характер опасности также учитывается при определении ее уровня, а следовательно, и при разграничении преступлений на категории. Что же касается степени общественной опасности как критерия категоризации, то речь идет, еще раз подчеркнем, о *типовой степени*, а не конкретной (индивидуальной), присущей жизненному факту. Но характер и степень опасности преступления – это, несомненно, две стороны одного критерия категоризации – общественной опасности преступления (именуемого порой ее уровнем).

Анализ ст. 15 УК показывает, что законодателем проигнорировано одно из важных логических правил, согласно которому в основание классификации следует закладывать один критерий. С учетом ст. 15, помимо характера и степени опасности, при категоризации преступлений учитывается также форма вины. Одни авторы поддерживают этот подход, полагая, что форма вины способствует более точной классификации, выступая в качестве дополнительного критерия [12, с. 27–28]; другие утверждают, что такой признак, как вина, равнозначен признаку общественной опасности, поэтому они оба должны выступать в качестве основы деления преступлений на категории [13, с. 42–43]; третьи считают необходимым выделение формы вины, так как «нельзя игнорировать различие социальной природы умышленных и неосторожных преступлений» [14, с. 49].

Данные мнения, равно как и подход законодателя, представляются небесспорными, так как в законе нарушено логическое правило о единстве основания деления, в результате чего форма

вины учитывается дважды – сначала в рамках санкции, отражающей характер и степень общественной опасности преступления, а затем – в качестве самостоятельного критерия [15, с. 76]. Действительно, форма вины является одним из показателей общественной опасности (как уже отмечалось, ее характера), то есть она уже учтена при категоризации преступлений, и ее повторный учет недопустим [16, с. 103].

Следствием этого логического просчета выступают труднообъяснимые диспропорции между грозящим наказанием и категорией преступления. Для иллюстрации обратимся к такому преступлению, как нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц, которое максимально наказуется лишением свободы на срок *до семи лет* (ч. 5 ст. 264 УК). Исходя из формы вины, законодатель определяет это преступление как *преступление средней тяжести* (ч. 3 ст. 15 УК). Одновременно кража из жилища, наказуемая до шести лет лишения свободы (ч. 3 ст. 158 УК), признается *тяжким преступлением* (ч. 4 ст. 15 УК). Очевидно, что логичным такое положение вещей назвать трудно.

На наш взгляд, критерий деления умышленных и неосторожных преступлений должен быть единым – характер и степень общественной опасности преступления, отраженные в санкции статьи Особенной части УК. Поэтому необходимо «реанимировать» категорию неосторожных тяжких преступлений (известную УК 1996 г. в редакциях, действовавших до 2001 г.). В связи с этим предлагаем исключить из ч. 2–5 ст. 15 УК указание на зависимость категории от формы вины.

Некоторые специалисты отмечают, что законодатель в ч. 2–5 ст. 15 УК поставил категории преступлений в зависимость от наказания в виде лишения свободы. С учетом этого, ими предлагается установить наказания небольшой, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие [17, с. 79]. Данная идея представляется небесспорной, поскольку тяжесть наказания, закреплённого в санкции статьи, производна от тяжести (опасности) преступления, а не наоборот. Изначально при криминализации правотворец исходит из характера и степени общественной опасности, которая является определяющей, и впоследствии конструирует наказание. Поэтому наказуемость

отражает общественную опасность, но не является критерием категоризации, так как обуславливается ею. В связи с этим Конституционный суд РФ верно, по нашему мнению, указал на тот факт, что внешним формализованным показателем, отражающим характер и степень общественной опасности, как раз и выступает наказание [18, с. 79].

В связи с изложенным полагаемым разумным внести коррективы в ст. 15 УК, отведя предлогу «за» место перед наименованием категорий преступлений, для того чтобы показать зависимость наказания от характера и степени общественной опасности. В итоге получится, например, следующий вариант: «За преступление небольшой тяжести максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает трёх лет лишения свободы».

Многие авторы отмечают, что отражение в ст. 15 УК только наказания в виде лишения свободы не обосновано, поскольку «иные наказания «повисают в воздухе», и не относятся ни к одной из категорий» [19, с. 69]. Думается, что указания на лишение свободы вполне достаточно, так как в ст. 15 УК идет речь не просто о грозящем виновному наказании, а о *максимальном* наказании. Законодатель ориентируется на самое суровое и вместе с тем самое универсальное наказание – лишение свободы. Исходя из этого, если санкция предусматривает только менее строгие (в соответствии со ст. 44 УК) наказания, например исправительные работы и арест, то, очевидно, что максимум этой санкции не свыше трех лет лишения свободы, а значит, перед нами преступление небольшой тяжести.

В науке существует мнение о том, что в качестве формального основания категоризации преступлений должна выступать санкция статьи, отражающая оценку законодателем общественной опасности преступного деяния [20, с. 49]. Действительно, как уже отмечалось, мерилom (цифровым выражением) общественной опасности является именно санкция статьи Особенной части УК. Но санкции конструируются в зависимости от законодательной оценки характера и степени опасности того или иного преступления, а не наоборот. То есть опасность первична, а наказание вторично, что принципиально важно четко фиксировать в уголовном законе. Поэтому мы солидарны с мнением о том, что «необхо-

димо придерживаться первичности характера и степени общественной опасности вида деяний по отношению к санкции» [1, с. 36]. Прав, думается, и О. А. Михаль, который утверждает: «Содержательный критерий законодательно закрепит адекватную оценку каждой категории преступления» [21, с. 25].

В контексте анализа критериев категоризации обращает на себя внимание тот факт, что некоторые санкции статей Особенной части УК являются слишком «просторными». Так, санкции ч. 2 ст. 127¹, ч. 2 ст. 127², ч. 3 ст. 134 УК предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок от трёх до восьми лет. Таким образом, суд может назначить как три года лишения свободы, так и восемь. Под этот диапазон фактически попадают преступления небольшой, средней тяжести и тяжкие преступления. Если суд назначит три года лишения свободы, то будет ли это деяние преступлением небольшой тяжести? Очевидно, что нет, так как категория преступления в силу ст. 15 УК определяется исходя из верхней границы лишения свободы, предусмотренного санкцией статьи, т. е. *грозящего наказания* (следовательно, данное преступление является тяжким).

Однако отдельные авторы не соглашались с такой логикой и полагают, что законодатель выделяет ещё один критерий категоризации – размер наказания, *назначаемого судом*. Так, А. М. Трухин приводит в качестве примера санкцию ч. 3 ст. 158 УК, предусматривающую наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет, и говорит, что суд может признать это преступление тяжким, как максимум, и преступлением небольшой тяжести, как минимум [22, с. 60–61]. Мы не согласны с таким подходом, поскольку размер назначенного наказания определяет не категорию преступления, а общественную опасность конкретного преступления (индивидуальную опасность). В то же время попутно укажем на нецелесообразность конструирования санкций с широким диапазоном между верхним и нижним пределами, поскольку в результате этого размываются границы между категориями преступлений (вопрос же о технике построения санкций – тема отдельного повествования).

Подводя итог, отметим, что в ст. 15 УК нарушено единство основания деления преступлений на категории, так как законодатель указал на их зависимость не только от характера и степени

общественной опасности, но и формы вины. Полагаем, что первоначальная редакция ст. 15 УК в части выделения тяжких неосторожных преступлений требует «реанимации» и критерий категоризации умышленных и неосторожных преступлений должен стать единым. На наш взгляд, этим – единственным – критерием (основанием) категоризации преступлений должна выступать их общественная опасность, формализованная в санкциях статей Особенной части УК. Указание же в ст. 15 УК лишь на лишение свободы мы считаем вполне оправданным и позволяющим с учетом положений ст. 44 УК четко определить грозящее виновному максимальное наказание, а значит, и категорию преступления.

Ссылки

1. Коментарский А. М. Категории преступлений в зависимости от их тяжести и вопросы уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 169 с.
2. Смирнов А. А. Логика. Ярославль, 2009. 139 с.
3. Елифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. М., 2012. 152 с.
4. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 232 с.
5. Михаль О. А. Уголовно-правовая классификация преступлений. Омск, 2009. 279 с.
6. Кузнецова Н. Ф. Классификация преступлений в Общей части Уголовного Кодекса // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1995. С. 16–23.
7. Кругликов Л. Л. Общие начала назначения наказания. Караганда, 2006. 183 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. № 3 «О практике применения судами общих начал назначения наказания» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Сотсков Ф. Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 28 с.
12. Магомедов Г. Б. Преступления небольшой и средней тяжести: освобождение от уголовной ответственности и наказания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 172 с.
13. Нерсесян В. А. Требуется категоризация неосторожных преступлений // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 42–44.
14. Онгарбаев Е. А., Бишимбаева А. В. Общетеоретические вопросы классификации преступлений // Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. 2006. № 4. С. 42–51.
15. Иванчин А. В. Законодательная техника и её роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. 208 с.
16. Иванчин А. В. Вина и конструирование состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 102–105.
17. Ратьков А. Н. Правовое значение классификации преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 194 с.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.2014 N 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 3 статьи 31 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В. А. Филимонова» // СПС «КонсультантПлюс».
19. Устинова Т. Д. Общественная опасность и ее влияние (учёт) при конструировании норм Общей части УК РФ // «Lex russica». 2015. № 3. С. 63–72.
20. Кривоченко Л. Н. Классификация преступлений. Харьков, 1983. 129 с.
21. Михаль О. А. Категории преступлений в уголовном праве. Омск, 2007. 47 с.
22. Трухин А. М. Тяжесть преступления как категория уголовного права // Уголовное право. 2005. № 2. С. 59–61.